

ЭНН ПЕРРИ УТОПЛЕННИК С БЛЮГЕЙТ-ФИЛДС

Посвящается членам Общества Джона Говарда, разделяющим веру своего основателя в право каждого человека иметь чувство собственного достоинства.

Глава 1

Ежась от холода, инспектор Томас Питт невесело наблюдал за тем, как сержант Фроггэт поднимает крышку канализационного люка, открывая зияющее отверстие. Железные скобы лестницы уходили вниз, в гулкий каменный колодец, откуда доносились отдаленные всплески бегущей воды. Действительно ли инспектор услышал семенящие шажки маленьких лап с острыми когтями, или ему только показалось?

Из глубины колодца пахло спертым, сырым воздухом, и Питт тотчас же ощутил затхлый смрад плесени. Он буквально почувствовал запутанный лабиринт подземных тоннелей и лестниц из скользкого от липкой грязи кирпича, расположенный на бесчисленных уровнях, простирающийся под всем Лондоном. Так огромный город избавлялся от своих нежеланных отходов.

– Придется спускаться, сэр, – уныло сказал Фроггэт. – Странно, я вам скажу, очень странно!

– Очень, – согласился Питт, плотнее укутывая шею шарфом.

Несмотря на то что было еще только начало сентября, Томас успел промерзнуть до мозга костей. Выстуженные улицы Блюгейт-филдс были пропитаны насквозь запахом нищеты и человеческих нечистот. Когда-то это был процветающий район, в многоэтажных элегантных домах селились зажиточные купцы. Однако сейчас Блюгейт-филдс превратился в один из самых опасных портовых пригородов во всей Англии, и инспектору Питту предстояло спуститься в здешнюю канализацию, чтобы осмотреть труп, который течением принесло к большим шлюзовым воротам, защищающим систему подземных тоннелей от разливов Темзы.

– Точно! – Фроггэт отступил в сторону, не собираясь первым спускаться в зияющее отверстие, ведущее в темные, сырые катакомбы.

Питт безропотно перешагнул задом через край колодца, крепче ухватился за скобы и начал осторожно спускаться вниз. По мере того как вокруг сгущался полумрак, шум бегущего потока становился громче. В воздухе усиливался кислый запах застоявшейся воды. Фроггэт спускался следом, внимательно следя за тем, чтобы не наступить инспектору на руки.

Остановившись на сырых каменных плитах дна колодца, Питт глубже втянул шею в воротник пальто и оглянулся по сторонам в поисках ассенизатора, сообщившего о зловещей находке: тот оказался здесь, совсем рядом, сливающийся с темнотой, – те же самые краски, те же самые сырые, размытые линии. Это был маленький человек с острым носом. Его брюки, сшитые из остатков нескольких заношенных до лохмотьев пар, были перепоясаны бечевкой. В руке он держал длинный шест с крюком на конце, а на поясе у него висел большой холщовый мешок. Было видно, что этот человек привык к вечному полумраку, сырым кирпичным стенам, смраду и отдаленному шуршанию крыс. Наверное, он уже видел столько трагических, первобытных и неприглядных сторон человеческой жизни, что его больше уже ничего не трогало.

– Значицца, вы пришли за телом, да? – Ассенизатор задрал голову вверх, глядя на Питта. – Странная штука, точняк. Он тута у нас недавно, а то крысы бы им занялись. А тут даже не укусили, точняк. Вот я вас и спрашиваю, кто мог такое исделать?

Судя по всему, вопрос был риторический, поскольку ассенизатор, не дожидаясь ответа, развернулся и быстро направился вглубь главного тоннеля. Всем своим видом он напоминал Питту маленького суетливого грызуна. Его ноги мелко семенили по сырому

кирпичу. Фроггэт замыкал шествие, свирепо нахлобучив каску на лоб и шумно шлепая галошами.

Завернув за угол, они остановились перед большими шлюзовыми воротами, наглухо закрытыми для защиты от поднимающейся в реке воды.

– Вот! – гордым тоном собственника, демонстрирующего свои владения, объявил ассенизатор, показывая на белое тело, лежащее на боку в такой скромной позе, какая только могла быть в данных обстоятельствах. Полностью обнаженное, оно резко выделялось на фоне темного кирпича.

Питт был ошеломлен. Никто не предупредил его о том, что тело не защищено приличиями одежды – и что оно такое молодое. Кожа на лице была абсолютно гладкой, тронутой на щеках лишь нежнейшим пушком. Живот упругий, плечи по-юношески узкие. Томас присел на корточки, тотчас же забыв про скользкие от грязи каменные плиты.

– Фроггэт, фонарь! – приказал он. – Принеси его сюда. И держи ровно!

Инспектор сознавал, что сержант ни в чем не виноват, однако смерть – особенно бессмысленная, скорбная, – неизменно действовала на него подобным образом.

Крайне осторожно Питт перевернул труп. Подростку было не больше пятнадцати-шестнадцати лет; черты его лица все еще оставались мягкими. Волосы, хоть и мокрые, и перепачканные грязью, должно быть, были светлые и вьющиеся, чуть длиннее, чем у большинства сверстников. К двадцати годам юноша, вероятно, стал бы красивым, когда его лицо успело бы возмужать. Но сейчас оно было мертвенно-бледным, распухшим от воды, а широко раскрытые светлые глаза смотрели невидящим взором.

Однако грязь была лишь на поверхности; под ней кожа была ухоженной. В ней не было той вьезшейся черноты, присущей тем, кто не моется регулярно, кто носит одно и то же белье по месяцу кряду. Подросток был стройным, но это была лишь изящная гибкость молодости, а не худоба постоянного недоедания.

Питт взял безжизненную руку и внимательно ее изучил. Мягкость кожи была обусловлена не только дряблостью омертвевших тканей. На ней не было ни мозолей, ни волдырей, ни грязных разводов, без чего невозможно представить руки сапожника, старьевщика или дворника. Ногти были аккуратно подстрижены.

Определенно, погибший юноша не принадлежал беспросветной нищете Блюгейт-филдс. Но почему на нем не было одежды?

Инспектор поднял взгляд на ассенизатора.

– Достаточно ли здесь сильное течение, чтобы стащить с человека одежду? – спросил он. – Особенно если он тонул, барахтался?

– Едва ли. – Маленький человечек с сомнением покачал головой. – Может, зимою... много дождей. Но не чичас. И токмо не башмаки – башмаки ни за что. Он здесь недавно, а то крысы за него уже взялись бы. Я видал одного мусорщика, так его обглодали до косточек, точняк; поскользнулся и утонул пару лет назад.

– Как долго?

Ассенизатор задумался, предоставляя инспектору возможность сполна вкусить его значимость.

– Несколько часов, – наконец сказал он. – Зависит от того, где он упал. Но не больше нескольких часов. И течение башмаки не стащит, точняк. Башмаки остаются.

Питт мысленно выругал себя за то, что сам не подумал об этом.

– Одежду ты не находил? – спросил он, сомневаясь, что можно рассчитывать на честный ответ. У каждого ассенизатора был свой участок подземных тоннелей, ревностно оберегаемый. Это была даже не работа, а своеобразный ленный надел. Вознаграждение заключалось в том, *что* удавалось найти под решетками: мелкие монетки, иногда золотой соверен, изредка ювелирное украшение. Даже одежда находила сбыт. Портнихи сидели в мастерских по шестнадцать – восемнадцать часов в день, распарывая и перешивая заново старые вещи.

Фроггэт с надеждой посветил фонарем по воде, но луч света не выхватил ничего, кроме черной маслянистой глади, не тронутой даже рябью. Если глубины и хранили что-то, это было надежно скрыто от взоров.

– Нет! – с негодованием ответил ассенизатор. – Я ничаво не находил, а то сказал бы. А я тут все хорошенько осматриваю.

– Ты привлекаешь на помощь мальчишек? – не сдавался Питт.

– Нет, это все мое. Сюды больше никто не ходит – и я ничаво не находил.

Инспектор пристально посмотрел на него, не в силах решить, верить ему или нет. Перевесит ли алчность естественный страх перед полицией? Такое ухоженное тело могло быть в одежде, за которую можно выручить кругленькую сумму.

– Клянусь святым господом! – заявил ассенизатор; к справедливому негодованию в его голосе примешались нотки зарождающегося страха.

– Запиши его фамилию, – строго приказал Фроггэту Питт. – Если выяснится, что ты солгал, я предъявлю тебе обвинение в воровстве и в том, что ты чинил препятствия следствию. Ты меня понял?

– Фамилия? – резко повторил Фроггэт.

– Эбензер Чабб.

– С двумя «б»? – Поставив фонарь на выступ в стене, сержант достал карандаш и принялся тщательно выводить буквы.

– Да, точняк. Но я клянусь...

– Хорошо. – Питт был удовлетворен. – А теперь лучше помоги нам поднять этого беднягу наверх и уложить на дроги. Полагаю, он утонул – определенно, внешне все указывает на это. Больше я не вижу никаких других следов – ни синяков, ни ссадин. Но лучше убедиться наверняка.

– Любопытно, кто это? – равнодушно спросил Фроггэт. Его район находился в Блюгейт-филдс, и он привык к смерти. Каждую неделю ему приходилось находить детей, умерших от голода, брошенных в темных переулках или оставленных под дверью дома. Или это были старики, умершие от болезней, холода или алкогольного отравления. – Пожалуй, мы это так никогда и не узнаем. – Сержант наморщил лоб. – Но будь я проклят, если смогу объяснить, как он попал сюда, обнаженный, словно новорожденный младенец! – Он хмуро оглянулся на ассенизатора. – Но твое имя у меня есть, приятель, и если мне понадобится, я буду знать, где тебя найти!

Когда инспектор Питт вечером вернулся в свой теплый уютный дом, с аккуратными оконными рамами и отдраенными до блеска ступенями крыльца, он ни словом не обмолвился о случившемся. Со своей женой Шарлоттой он познакомился, когда его пять лет тому назад, в 1881 году, вызвали в respectable дом ее родителей расследовать убийства на Кейтер-стрит. Он сразу же влюбился в нее, даже не надеясь на то, что девушка из такого дома увидит в нем что-либо помимо досадного приложения к трагедии, чего-то такого, что нужно вытерпеть, в максимальной степени проявив чувство собственного достоинства.

Невероятно, но Шарлотта научилась любить и его самого. И хотя ее родители едва ли нашли этот союз приемлемым, они не смогли отказать своей упрямой и чистосердечной дочери. В качестве альтернативы браку Шарлотта предложила навсегда остаться в праздном безделье дома, вместе с матерью, или посвятить себя благотворительности.

С тех пор Шарлотта проявила интерес к нескольким делам, которые расследовал ее муж, нередко рискуя собственной жизнью. Даже когда она вынашивала Джемайму, это не помешало ей присоединиться к своей сестре Эмили и впутаться в дело на Калландер-сквер. Сейчас второму ребенку, Дэниэлу, было всего несколько месяцев от роду, и даже несмотря на помощь горничной Грейси, Шарлотте хватало забот. Незачем было огорчать

ее рассказом о трупе юноши, обнаруженном в канализационных трубах под Блюгейт-филдс.

Когда Питт вошел в дом, жена была на кухне, склонившись над столом с утюгом в руке. В который уже раз он подумал, какая же она красивая: сильное лицо, высокие скулы, густые волосы...

Шарлотта улыбнулась мужу, и ее взгляд наполнился дружеским участием. У Томаса в груди разлилось тепло, словно Шарлотта каким-то неведомым путем прочитала не его мысли, а внутренние чувства, словно она готова была понять все, что он скажет, неважно, дадутся ему слова легко или с трудом, будут они гладкими или нет. Именно в этом и заключалось счастье возвращения домой.

Питт начисто забыл про мертвого подростка и шлюзовые ворота, про смрад затхлой воды. По всему его телу разлилась спокойная уверенность, прогоняя холод. Он поцеловал Шарлотту, затем обвел взглядом все знакомые, умиротворяющие предметы: выскобленный стол, побелевший от времени, вазу с осенними маргаритками, манеж Джеммаймы посреди кухни, чистое постельное белье, ожидающее штопки, маленькую горку разноцветных кубиков, любимые игрушки дочери.

Они с Шарлоттой поужинают, затем усядутся перед старой кухонной плитой и будут говорить обо всем: вспоминать былые радости и печали, строить планы на будущее, с трудом подбирая слова, делиться мелочами прошедшего дня.

Однако к полудню следующего дня тело, обнаруженное под Блюгейт-филдс, снова резко и болезненно всплыло в памяти Питта. Он сидел в своем не слишком опрятном кабинете, читая лежащие на столе бумаги и стараясь разобраться в собственных записях, и тут в дверь постучал констебль и, не дожидаясь ответа, прошел в кабинет.

– Сэр, к вам полицейский врач. Говорит, это важно.

Не обращая внимания на то, услышал ли его Питт, он распахнул дверь шире, впуская полного опрятного мужчину с ухоженной седой бородкой и восхитительной копной вьющихся седых волос.

– Доктор Катлер, – высокопарно представился врач. – Вы инспектор Питт? Я осмотрел ваш труп из канализации Блюгейт-филдс. Печальное дело.

Отложив бумаги, Томас посмотрел на него.

– Вот уж точно. – Он сделал над собой усилие, чтобы быть вежливым. – Настоящая трагедия. Полагаю, несчастный утонул? Я не видел никаких следов насилия. Или же он умер естественной смертью? – Питт в это не верил. Во-первых, где одежда? И что юноша делал под землей? – Я так понимаю, у вас нет никаких мыслей по поводу того, кто это? Никто его не опознал?

Катлер нахмурился.

– Кто мог его опознать? Мы не выставляем тела на всеобщее обозрение.

– Но бедняга утонул? – настаивал Питт. – Его не задушили, не отравили, не ударили по голове?

– Нет, нет. – Пододвинув стул, Катлер сел, словно разговор обещал быть долгим. – Он утонул.

– Благодарю вас. – Питт произнес это таким тоном, чтобы показать: разговор окончен. Определенно, больше сказать было нечего. Возможно, личность погибшего удастся установить, возможно, нет. Все будет зависеть от того, заявят ли родители или опекуны юноши о его исчезновении и удастся ли навести справки, пока тело еще можно опознать. – Хорошо, что вы заглянули так быстро, – подумав, добавил инспектор.

Однако Катлер даже не шелохнулся.

– Понимаете ли, он утонул не в канализации, – заявил он.

– Что? – Ощувив пробежавший по спине неприятный холодок, Питт уселся прямо.

– Он утонул не в канализации, – повторил Катлер. – Вода у него в легких чистая, как у меня в ванне. То есть она словно попала в них из моей ванны – в ней даже есть немного мыльной пены!

– Черт возьми, что вы имеете в виду?

На лице Катлера появилось кислое, печальное выражение.

– Именно то, что я сказал, инспектор. Мальчишка захлебнулся водой из ванны. Как он очутился в канализации, я не имею ни малейшего понятия. К счастью, в мои обязанности не входит это устанавливать. Но я крайне удивлюсь, если выяснится, что бедняге уже приходилось бывать прежде в Блюгейт-филдс.

Питт медленно впитал услышанное. Вода из ванны! Этот парень не из трущоб. Впрочем, Питт с самого начала чувствовал это – по ухоженной коже, по виду тела, – так что заявление врача не стало для него полной неожиданностью.

– Несчастный случай? – Этот вопрос был чисто формальным. Не было никаких следов насилия, синяков и ссадин на руках или шее.

– Думаю, нет, – мрачно ответил Катлер.

– Вы так говорите из-за того, где было обнаружено тело? – Питт покачал головой, отбрасывая эту мысль. – Это еще не говорит об убийстве, только о попытке избавиться от трупа, что, разумеется, является преступлением, но далеко не таким серьезным.

– Ссадины. – Катлер чуть поднял брови.

– Я ничего не заметил, – нахмурился Питт.

– На пятках. Довольно большие. Утопить сидящего в ванне человека гораздо проще, если схватить его за пятки и резко дернуть ноги на себя, тем самым погрузив голову под воду, чем если давить ему на плечи, оставляя руки свободными и давая ему возможность сопротивляться.

Помимо воли Питт явственно представил себе это. Катлер прав. Все можно сделать одним быстрым, легким движением. Подержать немного голову под водой – и все будет кончено.

– Вы считаете, он был убит? – медленно спросил инспектор.

– Это был сильный юноша, по-видимому, не имевший никаких проблем со здоровьем... – Катлер замялся, на его лице мелькнула печальная тень. – Кроме одной, и я к этому сейчас подойду. Никаких наружных травм и повреждений на теле нет, и несчастный определенно не было оглушен, скажем, падением. Почему же он захлебнулся?

– Вы сами только что сказали про какую-то проблему со здоровьем. Что это? Парень внезапно потерял сознание?

– Только не от этого. У него была самая ранняя стадия сифилиса – лишь несколько мелких трещинок на коже.

Ошеломленный Питт уставился на врача.

– Сифилиса? Но вы же сами сказали, что он из порядочной семьи, и ему от силы пятнадцать-шестнадцать лет! – возразил он.

– Понимаю. Но и это еще не все.

– Что у вас еще?

Лицо Катлера внезапно стало старым и грустным. Он рассеянно провел рукой по лбу, словно пытаясь унять боль.

– Его использовали в гомосексуальном половом акте, – тихо произнес врач.

– Вы в этом уверены? – Вопреки всему инспектор отказывался в это верить. Умом он понимал, что это неразумно, но ничего не мог поделать со своими чувствами.

Во взгляде Катлера мелькнуло раздражение.

– Разумеется, уверен. Неужели вы полагаете, что подобные вещи можно говорить, основываясь на одних только голых домыслах?

– Извините, – сказал Томас. Это было глупо – к тому же мальчишка все равно уже мертв. Впрочем, быть может, именно поэтому инспектора так глубоко задела информация, выложенная Катлером. – И давно? – спросил он.

– Совсем недавно; насколько я могу судить, часов за восемь – десять до того, как я его осматривал.

– Это произошло в ту самую ночь, когда мы обнаружили тело, – задумчиво промолвил инспектор. – Полагаю, это очевидно. Насколько я понимаю, вы не представляете себе, кто это может быть?

– Верхняя прослойка среднего класса, – размышляя вслух, произнес Катлер. – Скорее всего, образование в частной школе – на одном пальце чернильная капелька. Хорошее питание – на мой взгляд, парень ни разу в жизни не голодал и никогда не работал физически. Нерегулярные занятия спортом, вероятно, крикет или что-нибудь в таком духе. Последняя трапеза была дорогой – фазан, вино и бисквит со взбитыми сливками, пропитанный хересом. Нет, определенно, не Блюгейт-филдс.

– Проклятие, – пробормотал вполголоса Питт. – Кто-то его наверняка разыскивает! Надо будет установить, кто это такой, до того, как погребать тело. Вам нужно будет приложить все силы, чтобы сохранить его в надлежащем виде.

Инспектор уже проходил через все это: бледные как полотно родственники с замиранием сердца подходят к столу, раздираемые надеждой и страхом, чтобы посмотреть на мертвое лицо; обливаясь потом, они наконец находят в себе силы поднять взгляд, а далее следует приступ тошноты, облегчение или отчаяние – конец надежды или возвращение в неопределенность, ожидание следующего раза.

– Благодарю вас, – официально произнес инспектор. – Я сообщу вам, как только у нас появится что-либо новое.

Встав, Катлер молча вышел из кабинета, также прекрасно сознавая, что ждет их впереди.

На это потребуется какое-то время, подумал Питт, и ему будет нужна помощь. Если это убийство – а такую вероятность нельзя было сбрасывать со счетов, – необходимо отнестись ко всему соответствующим образом. Надо будет обратиться к старшему суперинтенданту Дадли Этельстану и попросить у него людей, чтобы установить личность мальчишки, пока тело еще можно опознать.